

Я сегодня проснулся рано, впрочем как и всегда. День только начинался, за окном шумел дождь, а слабый утренний свет словно крадучись проникал сквозь ставню. В моем жилище царил полумрак и все это словно шептало: «Поспи, поспи еще». Я собрал всю свою волю в кулак и откинув простыню, встал с кровати. Натянув набедренную повязку, я зевая на ходу пошел в ту часть комнаты, которая служила мне местом приема пищи. В углу комнаты стоял стол, пара стульев и металлическая печь, в которой тлел торф, распространяя вокруг себя едва уловимую тепловую ауру. Я подкинул в печку угля и щепок, раздул огонь и сварив себе кофе принялся за завтрак. Хотя что и завтраком-то назвать можно было с большой натяжкой. Пара кусков сухого хлеба да кружка горячего горького кофе. И все казалось каким-то грустным, и эта погода, и получерствый хлеб, и даже мысль о том, что вот сейчас нужно натянув плащ по грязи шлепать на работу. Но вместе с тем, в глубине души, словно маленький огонек в темноте, тлела ма-а-а-аленькая такая радостная искорка, а все потому, что завтра выходной и наконец я сегодня вечером я увижу ЕЕ.

Окончив завтракать, я накинул плащ и вышел из дому. Живу я на втором этаже в обычном, похожем на коробку доме, что в бесчисленном множестве лепятся друг к другу в огромном квартале Рабов, который подобно огромному лоскутному одеялу покрыл юго-западную часть города Ахерон и примыкал к грузовому порту. Когда давно на его месте действительно располагался невольничий рынок, жили работоторговцы и стояли бараки, в которых содержались рабы. Но вот уже почти двести лет как Ахерон живет без рабства, и, хотя некоторые места еще хранят память о тех днях, например знаменитая тюрьма, расположенная около порта, которая называется Рабская пристань, рабство уже давно забытое прошлое. Да и сам квартал стал активно расстраиваться, когда бывшие рабы, получившие свободу вместе с прибывшими на заработки людьми из соседних племен стали заселять пустырь около грузового порта. Я шлепал босыми ногами по грязи, в которую превратились улицы, а мимо проплывали бесчисленные одно, двух или трехэтажные дома, из которых доносились детские крики, запах готовящейся еды, вонь нечистот. Часто было такое что весь дом был заселен одной семьей, на первом этаже жили старики, на втором их взрослые дети с многочисленным потомством, а на третьем – внуки, только-только создавшие свои семьи. Когда семья расширялась, они пристраивали к своему дому еще один, а потом и еще. Некоторые такие дома образовывали целые кварталы, которое можно было пройти от одного конца до другого по бесчисленным проходам, лестницам, балконам. Внутри такие жилища, впрочем, как и мое, представляли из себя одну комнату, служившую и спальней, и кухней. Вход в комнаты на втором и третьем этажах как правило осуществлялся с улицы по внешним лестницам и балконам. У домов были плоские крыши, на которых в сухой сезон сушили белье и даже спали если ночи были душными. Стоимость такого жилья была не велика, что привлекала сюда всю городскую бедноту, поэтому по утрам можно было наблюдать картину, как словно из большого муравейника выплескивались на городские улицы спеша на работу бесчисленные продавщицы, служанки, дворники, кучеры, лакеи, рабочие на фабриках, портовые рабочие, проститутки, встречались даже студенты, чьи родители не могли снять им жилье получше. Вечером же все эти люди, словно ручейки после дождя текли в обратном направлении.

Так погруженный в свои мысли я не заметил, как вышел к портовым докам, где работал. Я — докер, мы строим или ремонтируем торговые суда купцов со всех близлежащих островов и архипелагов, которые приплывают сюда в порт Ахерона, где расположен самый большой на нашем континенте рынок дабы продать или закупить что-то. Платят мне не плохо, гораздо больше, чем матросам бесчисленных «ракушек» — мелких судёнышек снующих по ахеронской бухте и на которые перегружают товары с торговых судов, стоящих на рейде...

... За работой день пролетел незаметно. На портовой башне часы отбили семь вечера, хозяин дока вручил нам недельный заработок, и я подгоняемый желанием, что вот-вот увижу ЕЕ быстрым шагом несмотря на накопившуюся за неделю усталость направился домой.

Подходя к дому, первым что почувствовал это ЗАПАХ ЕДЫ. Казалось, как такое возможно на городской улице, где живет много людей, которые что-то готовят, жарят, варят, где буквально через стенку находился трактир. Но запах ЕЕ еды невозможно было спутать ни с чем.

Поднявшись по лестницы на второй этаж, я открыл дверь и мое жилище предстало передо мной совсем в ином, чем утром виде. На печи кипела и парила кастрюля с рыбной похлебкой, на столе стояло огромное деревянное блюдо, на котором лежали и остывали свежеспеченные булочки, прикрытые полотенцем. Постельное белье с кровати было снято и лежало замоченное в мыльной пене в бочонке из-под пива. Пол в комнате был немного мокрым от того, что его недавно помыли. Присмотревшись внимательнее, я увидел ЕЕ, стоящей в глубине комнаты на четвереньках, усиленно трущей пол в части, где у нас находился нужник и большая бочка, служившая ванной. Сесиль, а это была ОНА, была абсолютно обнаженной, лишь тяжелые серьги бряцали в ее ушах. Все ее мускулистое тело, напроць лишненное даже намек на жир, было покрыто потом, стекавшим ручейками в том числе и по аппетитной заднице и мощной груди. Видимо увлекшись, она не заметила, как я вошел, поэтому продолжала тереть пол. Что касается меня, то от ее вида я быстро возбуждился, мой член словно дикий зверь рвался наружу. Я скинул набедренную повязку, за несколько гигантских шагов пересек комнату и со всего маху засадил в нее свой, стоящий колом член. Сесиль видимо в последний момент поняла, что я дома и что я намереваюсь сделать, поэтому как мне показалась, даже немного приподнялась чтобы мне было проще войти в нее. Покрыв ее словно бык корову, я обеими руками стал мять ее большие груди, Сесиль стала легонько постанывать, а ее лоно стало влажным. С каждым новым своим движением я чувствовал желание все больше и больше кончить, наконец, когда терпеть уже стало не вмоготу, я легонько шлепнул Сесиль по заднице и сказал:

— Кончаю, давай в рот бери.

Сесиль быстро развернулась, встала предо мной на колени и обхватив губами мой пульсирующий половой орган и начала его сосать.

— Аааааа, — не сдержался я когда почувствовал, как сперма толчками входит в ее горло.

Сесиль покорно проглотила мое семя и улыбнувшись посмотрела мне в глаза.

— Я скучал, — сказал я ей, — Ну теперь можно и поужинать.

Сесиль моргнула мне глазами и встав с коленей обняла меня и легонько укусила за ухо. Из-за сильного заикания она практически не разговаривала, но при этом по ее выражению лица и мимике я прекрасно ее понимал.

Через несколько часов, поужинав и еще два раза совокупившись с моей женщиной, уже

практически засыпая, я стал вспоминать тот день, когда познакомился с ней. Рядом посапывала Сесиль, сегодня у нее был не легкий день, дождь за окном закончился, в окно светила Луна, а мои мысли плавно перенеслись на восемь месяцев назад.

В тот день последний на рабочей неделе, я получил зарплату и отправился пропивать ее в бесчисленных тавернах. Я и мои друзья всегда так делали, тем более в тавернах мы могли найти все: и вино, и пиво, и женщин. Но тогда, мои собутыльники куда-то разбрелись, и я оказался перед входом в таверну «Синий дельфин». Заведение занимало целый трехэтажный дом, на первом этаже располагался зал, где посетители пили и ели, а на втором третьем – комнаты, где можно было уединиться с продажными девками, коих тут было несколько десятков. Как и все простолюдинки в квартале Рабов, все шлюхи носили только юбки или даже набедренные повязки, оставляя грудь открытой. Некоторые из них сидели у стойки выжидая одиноких посетителей, некоторые кучковались за столами и ждали, когда к ним подсядут, ну а некоторые работали вдобавок разносчицами еды и напитков. Но в тогда мне что-то никто из них не понравился и я в одиночестве цедил пиво у стойки. Через некоторое время передо мной возникла необходимость посетить нужник, который располагался за стойкой в самом дальнем углу здания. Это было небольшое помещение с тремя дырками в полу, в которое нужно было испражняться. Однако едва я зашел, под полом раздалось хлюпанье и из дырок в полу стали вылетать тучами зеленые мухи.

«Вот проклятие», подумал я, «Видимо золотарь пришел чистить выгребную яму, надо пойти сказать ему чтобы подождал немного».

Люк, ведущий в выгреб, находился во внутреннем дворе, куда вел черных ход. Быстро выскочив, я к своему удивлению понял, что золотарь — это не мужчина, а мускулистая женщина, одетая в одну только грязную набедренную повязку, с лысой головой и огромными мощными грудями. Насколько позволял разглядеть ее догорающий вечер и мерцающие фонари, под ее кожей словно шары перекачивались мускулы. Она ловко орудовала огромным черпаком не обращая внимание на резкий запах и тучи мух буквально облепивших ее.

«Эй, подожди немного, дай закончить».

Она кивнула мне головой и отошла от выгребной ямы. Я сумел закончить отправление своих надобностей и вернувшись обратно к стойке решил поинтересоваться у кабатчика, про эту женщину-золотаря. Честно сказать я перепробовал многих, благо дело трактиры просто кишат бабами, тут тебе и на любой рост, с большими грудями, а есть плоские словно доска. Есть молоденькие, а есть уже умудренные опытом. Но вот такую я встретил впервые, и что-то меня в ней зацепило. Я дождался, когда Жирный Пих, а так звали хозяина здешнего заведения, вернется с кухни и спросил его:

«Слушай Пих, а что у тебя за такой интересный золотарь работает? Вернее это она. Я впервые вижу, чтобы этим делом занималась женщина».

От этих слов поросычьи глазки Пиха расширились от удивления, но потом видимо поняв в чем дело, он рассмеялся и своим противным и тонким голоском спросил:

«Это такая лысая мускулистая с большими дойками, как у коровы?»

«Ну да, ответил я».

«Это не золотарь, это моя служанка Сесиль. Она бывшая рабыня на галерах, вот только месяц на свободе, работает у меня, моет полы, выгребает яму. За это живет и ест здесь бесплатно».

«А ее можно?»

– В смысле можно? – тут глаза Пиха опять расширились и стали как медный дублон. – Ты знаешь вообще да, тут всех женщин можно, но я честно от тебя в первые слышу интерес к ней. У меня здесь около тридцати шлюшек, неужели тебе понравилась какая-то бывшая галерная рабыня.

Тут Пих ловко шлепнул по задку молоденькую девушку-разносчицу еды с плоской грудью. Девушка захихикала и проворно убежала на кухню.

– Вот например Минна, – продолжал он, – Огонь в постели, хоть и ухватить не за что. И не дорого, всего два серебряных.

– Ну не, не хочу. – сказал я, – А вот эту вот, корову, сколько будет стоить? – Три медяка – ответил Пих. – Но имей в виду, эта баба в свое время перерезала столько глоток, что ее хотели вздернуть. Она большую часть своей никчемной жизни провела в тюрьме, так что не знаю, что ты в ней нашел. Она, кстати моя дальняя родственница, ее отпустили на поруки и, если что сделает не так, вернется обратно гнить в тюрьму. Ты все еще хочешь провести с ней время?

Вместо ответа я отсыпал на стойку три медных монеты. Накрыв их жирной ладонью, Пих не отводя с меня взгляда сказал:

– Минна, позови Сесиль и пусть захватит бочонок пива.

Через несколько минут из боковой двери шлепая босыми ногами и таща словно пушинку на своем плече добрый бочонок пива появилась Сесиль. На ней уже была юбка почище, а по телу стекали капли воды, видимо она была только из душа. Поставив бочонок, она вопросительно посмотрела на Пиха. При свете люстр я сумел по лучше ее рассмотреть. Она была чуть ниже меня ростом, мощного телосложения с большой грудью, в ушах у нее позвякивали две тяжелые сережки, все ее тело, особенно спина, было покрыто шрамами от кнута и порезами от поноживщин. Видимо молодость у Сесиль выдалась очень бурной.

– Сесиль, к тебе клиент. – сказал Пих с ухмылкой. – И на тебя сука нашелся ебарь. Хотя будь моя воля я бы тебя вздернул на виселице. Вот ключ от комнаты номер три. После того как удовлетворишь его, принимайся за мытье посуды на кухне. И не разбей там ничего. Ты все поняла?

Сесиль махнула головой.

– Нет, ты словами скажи, – сказал Пих с еще более противной ухмылкой.

– Д-д-д-д-д-д-даааа, г-г-г-г-г-го-под-д-д-д-дин, – ответила Сесиль. Голос у нее был низкий, по ее лицу было видно, что разговор причиняет ей моральные страдания и выговорить даже такие простые слова ей было очень тяжело.

– Ну все, не смею больше ваш задерживать, – смеясь проговорил Пих. Все такие и порядочная он дрянь.

Мы с Сесиль поднялись по лестнице на второй этаж, она шла впереди, я за ней. На руках она несла поднос и бутылкой вина и двумя фужерами. Комната номер три оказалась маленькой, почти пустой, за исключением простой грубой кровати и тумбочки. Огонь плясал в двух маленьких светильниках-бра, торчащих из стены. Зайдя в комнату, Сесиль поставила поднос с вином на тумбочку и встав в нерешительности около кровати повернулась ко мне лицом. Такое впечатление, что за годы заключения она забыла, что надо делать в таких случаях.

– Снимай юбку, – сказа я ей. – Чего как столб стоишь.

Сесиль быстро сбросила с себя одежду и предстала передо мной абсолютно голой.

– Повернись ко мне спиной, – скомандовал я. Вид ее мускулистого тела и

курчавого лобка мгновенно возбудил меня. В свою очередь, я скинул свою набедренную повязку и мой член словно кол был готов к проникновению в ее лоно.

Подойдя к ней сзади, я стал играть руками с ее грудью и сосками. Сесиль стояла как солдат на плацу, но по ее учатившемуся дыханию, я понял, что ей это нравится.

«Давай на четвереньки на кровать – сказал я и вошел в нее. Ее лоно было широким, как у рожавшей женщины. Я начал свои фрикции, постепенно наращивая темп. Сесиль сначала глубоко дышала, а потом стала даже легонько постанывать. Затем велел ей перевернуться на спину и раздвинуть ноги и снова вошел в нее. Я полулежал и поэтому одной рукой продолжал играть с ее большими тяжёлыми грудями. Видимо у Сесиль секса не было очень давно, потому что по ее лицу было видно, что она на седьмом небе от счастья, даже несмотря на то что я ее снял как последнюю шлюху.

Я кончил ей на живот и плюхнулся рядом с ней на спину. Мы оба тяжело дышали.

«А ты ничего,» – сказал я ей. – Я еще приду.

Она приподнялась на одном локте, по ее лицу пробежала ухмылка, словно говоря: «Вы все так обещаете».

«Да-да, правда-правда,» – сказал я. – Жди через несколько дней.

Когда мы спустились снова на первый этаж, я сказал Пиху, что приду к Сесиль еще, на что он удивился и сказав мне, что я извращенец, уведомил, что Сесиль еще работает в порту на лоцманской галере и поэтому бывает в таверне не каждый вечер. Я знал их, это такие маленькие шести или десяти весельные быстроходные катера, на которых доставляли лоцмана на борт большого корабля для того, чтобы помочь ему войти в бухту и указать место на рейде. Эти галеры были устроены так, что гребцов не видно, они сидели под палубой. Как оказалось гребцами там были бывшие заключенные, так как на другую работу их брали не очень охотно.

Через несколько дней я снова пришел и по лицу Сесиль я понял, что она очень рада меня видеть. В этот раз все обошлось куда более страстно. Я сам лег на спину, а Сесиль приказал насаживаться на мой член. Мои руки были традиционно на ее мощной и тяжелой груди. Перед тем как излить свое семя, я велел Сесиль ублажать меня орально, а после того, как кончил, потребовал «помыть» до суха мой детородный орган, что Сесиль сделала с большим профессионализмом.

Я стал приходить к Сесиль один-два раза в неделю и примерно через два месяца я спросил ее после бурного сношения:

«Сесиль, а ты кроме меня тут еще с кем-нибудь тут этим занимаешься?»

Приподнявшись на одном локте и смотря мне прямо в глаза, она отрицательно покачала головой. Я встал с кровати налив себе вина, продолжил:

«Заешь мне это все начинает надоедать,» тут я приложился к бокалу и осушил его до дна. – Неплохое пойло у этого Пиха.

Тут я увидел, что Сесиль с ужасом смотрит на меня выкатив глаза.

«Дура ты,» – рассмеялся я поняв, в чем дело, «Я не закончил, мне надоел это вонючий бордель, этот гад Пих. Я хочу тебя забрать к себе. В этот момент глаза на лице Сесиль вдруг загорелись радостью, но через момент она заплакала.

«Что с тобой?» – спросил я.

«П-п-п-их, ус-с-с-с-с-словное о-о-о-о-освобождение,» выдавила она себя. Уже внизу, сидя в комнате Пиха и попивая с ним вино, он сказал мне:

— Понимаешь какое дело, она на условном освобождении, а я ее единственный родственник. А только родственники могут брать заключенных на поруки. Так что они либо живет здесь, либо вернется в тюрьму. Да и зачем она тебе, — сказал он махнув головой в сторону Сесиль, которая стояла у двери комнаты Пиха склонив голову. — Она была в банде, где, изображая танцовщицу в борделе, завлекала к себе состоятельных мужчин убивала и грабила их. Когда их поймали, на ее счета было двадцать три человека. Кстати, мужчин привлекала ее молчаливость, они считали это загадочностью. А не повесили ее только потому, что жена одного из убитых так радовалась смерти мужа, что «подмазала» судью и ее отправили на галеры. И вот почти полжизни она гребла на галере, пока не разрешили за хорошее поведение взять ее на поруки. Но я думаю, что не за это. Это шлюшка и в тюрьме не успокоилась. Она там даже умудрилась родить двух детей. Ведь так корова?

Сесиль кивнула головой, слезы ручьем текли из ее глаз, падая на тяжелую грудь.

— Стыдно тварь? — спросил Пих. — То-то. В общем отпустить я ее не могу, но могу разрешить тебе трахать, когда вздумается. Всего три медяка и эта корова твоя.

— А если хочу взять ее на поруки — спросил я. От такой неожиданности у Сесиль отвисла челюсть, а Пих чуть не подавился вином.

— Чего? — спросил он. — Ты в своем уме? Эта корова — убийца.

— Сколько ты хочешь? — спросил невозмутимо я.

Сесиль удивленно смотрела то на Пиха, то на меня.

— Двадцать пять серебряных — скала Пих. — За эти деньги ты можешь год ее сношать. Сумма была немаленькая. По лицу Сесиль я увидел, что она уже все поняла. Все, **НО ТЕ, ЧТО Я СОБИРАЛСЯ СКАЗАТЬ.**

— Я согласен. — сказал я.

У Сесиль глаза выкатились из орбит, от удивления и изумления она прикрыла рот ладонью при этом вопросительно смотря на Пиха.

— Ну ты извращенец, — сказал он. — Неси деньги и забирай свою корову. Но если что, обратно не возьму, надоеет — отправляй ее в тюрьму сразу.

— Деньги будут завтра, — процедил я сквозь зубы и быстро вышел из комнаты.

На следующий день, после работы я занес в мешке двадцать пять серебряных монет Пиху. Пих вывалил их на стол и пересчитав, хлопнул три раза в ладоши, дверь в комнату открылась и в нее втокнули Сесиль. На ней была только грязная юбка и маленький узелок с одеждой. Зайдя в комнату она грохнулась на колени и обхватив лицо руками затряслась в рыданиях.

— Ну забирай, — сказал Пих. — Но я тебя предупредил.

С того дня Сесиль живет у меня, у Пиха она теперь не работает, только в порту. Суда приходят в Ахерон и днем и ночью, поэтому Сесиль дежурит на своей галере сутками. Утром уходит и через два дня вечером дня приходит домой, а потом двое суток дома. За это время она готовит впрок еды, уберется в нашем жилище и конечно сексуально удовлетворит меня.

Я сегодня проснулся рано, впрочем, как и всегда. За окном зарождался рассвет, но сегодня выходной, а это значит, что идти никуда не надо. Рядом повернувшись ко мне спиной и закутавшись в покрывало спала Сесиль. От взгляда на ее я почувствовал в своем паху приятное возбуждение, утренний секс — хорошее начало выходного дня...